

СЕРГЕЙ МАНЬКОВ

Историк

Родился в 1982 году в Санкт-Петербурге. Юрист. Историк-генеалог. Член редакционного совета альманаха «Русский Мирь». Действительный член Русского генеалогического общества, Историко-родословного общества в Москве и Всероссийского геральдического общества. Автор более ста научных, научно-популярных и энциклопедических публикаций по истории России и русского зарубежья.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ В ЭМИГРАЦИИ

Оказавшись в изгнании, представители свергнутого в 1917 году Российского Императорского Дома стали играть разные роли в новой для них эмигрантской действительности. Одни ушли в частную жизнь и мало контактировали с прочими русскими эмигрантами. Другие занялись благотворительностью и предпочли быть скорее некими «символическими» фигурами. Но были и те, которые не отказались от того высокого статуса, каковым они обладали в дореволюционной России, и старались вести политическую деятельность.

Наиболее ярким представителем Дома Романовых, активно участвовавшим в общественно-политической жизни русского зарубежья, несомненно, является Великий Князь Дмитрий Павлович (06.09.1891–05.03.1942). Сын Великого Князя Павла Александровича (1860–1919) и двоюродный брат Императора Николая II, штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, Великий Князь Дмитрий стал популярен в предреволюционной России благодаря своей причастности к убийству в 1916 году царского фаворита Григория Распутина, в фигуре которого русская общественность того времени видела «сосредоточие тёмных сил»¹. Несмотря на заступничество практически всех членов Императорской фамилии Николай II сослал кузена в Персию, в отряд генерала Н. Н. Баратова. Это обстоятельство, как показали дальнейшие события, во многом спасло жизнь Дмитрию Павловичу². После падения самодержавия в феврале — марте 1917 года Великий Князь перешёл на службу в Британский экспедиционный корпус на Ближнем Востоке, откуда по окончании Первой мировой войны благополучно перебрался в Лондон, а затем в Париж.

К этому времени во многих странах мира, куда прибывали русские беженцы во время и после окончания Гражданской войны, стали возникать многочисленные политические организации, большую часть которых составили монархисты³. В 1921 году на съезде в баварском городке Бад-Райхенхалле 106 делегатов от различных монархических структур образовали Высший Монархический Совет (ВМС) — влиятельную организацию, которая стала претендовать на лидерство в правой эмигрантской среде. Во главе ВМС встали известные ультрамонархисты: бывшие члены Государственной Думы и лидеры «Союза Русского Народа» Н. Е. Марков 2-й и А. Н. Крупенский, обер-прокурор Святейшего Синода князь А. А. Ширинский-Шихматов, присяжный поверенный А. М. Масленников и др. По идеологии ВМС представлял собой крайне правую организацию, непримиримую к любым альтернативным взглядам и ставившую своей целью реставрацию самодержавной монархии. Но вскоре у ВМС в Берлине возник конкурент в лице Конституционного народно-монархического союза под председательством адвоката Е. А. Ефимовского, стоявшего на более мягких позициях⁴.

Великий Князь Дмитрий Павлович. 1930-е гг.

Буквально сразу же после появления Великого Князя Дмитрия Павловича в Париже к его персоне было проявлено повышенное внимание со стороны различных политических сил русской эмиграции. Дело в том, что в Европе тогда достоверно не было известно, кто из представителей Династии уцелел после красного террора и Гражданской войны в России, и тридцатилетний Великий Князь стал рассматриваться многими как возможный претендент на престол. Высший Монархический Совет и Конституционный народно-монархический союз поспешили пригласить Дмитрия Павловича на роль лидера монархического движения и претендента на престол. Для переговоров к Великому Князю был послан его сослуживец по лейб-гвардии Конному полку генерал В. В. Бискупский, в то время возглавлявший военный отдел ВМС и одновременно сотрудничавший

с активистами конституционных монархистов — сенатором А. В. Бельгардом и А. А. Римским-Корсаковым⁵. Великий Князь отверг данное предложение и ответил, что «пока не выяснена судьба старших по первородству членов династии, он не объявит себя главой». Такими были убитые на Урале Император Николай II, Цесаревич Алексей Николаевич, Великий Князь Михаил Александрович и оставшиеся в живых Великие Князья Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи. Тем не менее Великий Князь Дмитрий выразил желание сотрудничать с монархистами. В этот период он согласился возглавить просуществовавшее весьма незначительный период «Франко-германо-русское издательство»⁶ и, по некоторым сведениям,

вместе с графом Татищевым осуществлял финансирование съёмки русских «белых» пропагандистских фильмов⁷.

В 1922 году расстановка сил в монархическом лагере резко поменялась. ВМС и конституционные монархисты стали уступать своё влияние двум динамично формировавшимся группам: «кирилловцам» и «николаевцам». «Кирилловцы» (или легитимисты) объединились вокруг старшего по первородству мужского представителя Дома Романовых Великого Князя Кирилла Владимировича, в 1922 году провозгласившего себя Блестителем Императорского Престола. «Николаевцы» поддерживали популярного в армии бывшего Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича (младшего), который заявил, что вопрос о главенстве в Династии может быть решён лишь после окончательной победы над большевиками. Обе группы занимали по отношению друг к другу достаточно непримиримую позицию и своим противостоянием обозначили раскол и так к тому времени не единого монархического движения. В возникшем противостоянии все группы старались привлечь на свою сторону Великого Князя Дмитрия. Для этого со стороны конституционалистов, настаивавших на провозглашении Великого Князя Дмитрия Императором в обход линии Владимировичей, предпринимались попытки повлиять на него через проживавшего в Германии его воспитателя генерала Г. М. Лайминга⁸. От николаевцев такую работу вели бывший посол в Австро-Венгрии Н. Н. Шебеко⁹ и глава русского отдела Общества комбатантов генерал П. А. Половцов. Высший Монархический Совет уговаривал повлиять на Великого Князя близкого к нему бывшего военного агента в США генерала Н. Л. Голевского, сочетавшего членство в масонской ложе и общение с крайне правыми монархистами¹⁰. По свидетельству видного деятеля зарубежья, бывшего депутата Государственной Думы Н. В. Савича, Великий Князь Дмитрий однозначно не отвергал ни одного из предложений, склоняясь то к одному, то к другому варианту¹¹.

В этот период первой заботой Великого Князя Дмитрия стало неведомое ему по Петербургу зарабатывание денег. Поэтому когда одна из известных американских фирм-производителей шампанского предложила ему возглавить своё представительство во Франции, он охотно согласился. К тому же Дмитрий Павлович увлёкся романом с будущей «законодательницей мод» Коко Шанель, занимавшим большую часть его времени. Возглавить же, пусть даже и формально, одну из монархических групп означало полную потерю независимости. В таких условиях эффективнее оказалась работа кирилловцев, и в начале 1923 года Великий Князь Дмитрий, под влиянием своего кузена Великого

Великий Князь Дмитрий Павлович и Коко Шанель

Князя Андрея Владимировича, признаёт Главой Династии Великого Князя Кирилла. 9 января 1923 года на торжественном приёме, данном в Париже Союзом кавалеров ордена Святого Георгия, несмотря на ориентацию Союза на Великого Князя Николая Николаевича, Великий Князь Дмитрий произнёс тост «за законного Царя» Кирилла Владимировича¹². Столь демонстративный переход Дмитрия Павловича в легитимистский лагерь заставил последовать его примеру многих конституционалистов (Бискупский, Бельгард) и крайне правых.

После принятия Кириллом Владимировичем титула Императора Всероссийского 13 сентября 1924 года Великий Князь Дмитрий становится его Августейшим представителем в Париже и департаменте Сена. Эта должность вполне подходила Дмитрию Павловичу, любившему светскую жизнь и обожавшему исполнять представительские функции.

Свадьба Великого Князя Дмитрия и Одри Эммери. 1926 г.

Кардинально судьба Великого Князя Дмитрия Павловича поменялась в 1926 году — после знакомства и брака с Одри Эммери (1904–1971), единственной наследницей семьи американских промышленников из города Цинциннати¹³. Благодаря состоянию жены, которую Великий Князь искренне любил, он смог вести весьма обеспеченный образ жизни, стал крупным благотворителем. Морганатическая супруга Великого Князя после принятия православия с именем Елена получила в 1926 году от Императора Кирилла Владимировича титул княгини Ильинской, а в 1935 году светлейшей княгини Романовской-Ильинской¹⁴. 27 июля 1928 года в Лондоне у супружеской пары родился единственный сын Павел. Рождение сына доставило Великому Князю большую радость и преисполнило его гордости. Он пожелал, чтобы его сын

воспитывался как воспитывались великокняжеские сыновья. Первоначально к нему была взята няня-англичанка, а когда мальчику было около шести лет, то к нему был приглашён русский воспитатель¹⁵. Между тем отношения Дмитрия Павловича с женою стали портиться. На него временами нападала меланхолия, и присутствие жены его раздражало. Кончилось тем, что они разбегались, но не разводились вплоть до 1937 года.

Одинокий Дмитрий Павлович скучал, кочевал с места на место и проживал сезоны в Париже, Лондоне, Монте-Карло, Ницце, Биаррице, Довиле и некоторых других местах, что, в конце концов, тоже надоедало. В этот непростой в личной жизни Великого Князя момент его привлекла в свои ряды политическая организация «Союз младороссов». Этому способство-

вала энергичная и планомерная работа лидера Союза Александра Львовича Казем-Бека (1902–1977), уже в течение долгого времени пытавшегося заполучить лицо, авторитет которого мог бы поднять репутацию его организации, а также покрывать дефицит бюджета. Дмитрий Павлович идеально подходил на эту роль. Расчёт был на то, что князь скучает, не знает, чем ему заняться, и поэтому готов тратить деньги. Великого Князя не так-то легко было заинтересовать политической работой, но сам Казем-Бек ему понравился. Они стали время от времени встречаться, когда Казем-Бек напоминал о себе. И под влиянием этих встреч Великий Князь стал всё больше втягиваться в работу союза, который в начале 1930-х годов переживал свой расцвет.

Великий Князь Дмитрий с женой и сыном

Союз Молодой России был официально создан в 1923 году в Мюнхене на Всеобщем съезде национально мыслящей русской молодёжи под руководством С. М. Толстого-Милославского. В 1925 году он был переименован в Союз младороссов, а с 1934 года в Младоросскую партию. Лозунгом движения в это время был традиционный — «Бог. Царь. Родина», гимном — «Боже, Царя храни». В качестве эмблемы младороссы использовали державу — символ царской власти, обозначавший их верность монархии, — а также грифона (из герба рода Романовых) на трёхцветном (бело-жёлто-чёрном) фоне императорского штандарта по кавалерийскому образцу, символизировавшего преданность законной династии.

Вождём младоросского движения, с официальным титулом «Глава», стал А. Л. Казем-Бек. Младоросское движение управлялось «Руководящим центром» и «Главным советом». Вторым лицом движения и идеологом был Кирилл Сергеевич Елита-Вильчковский (1904–1960), генеральный секретарь.

Местные отделения младороссов («представительства», «районы», «очаги», «звенья», «ячейки» и «посты») действовали практически во всех странах, где жили русские эмигранты: Великобритания, Польша, Финляндия, Китай, Австралия, Германия, Болгария, Греция, Аргентина, Панама, Сирия, Египет и др. Особенно крупные и влиятельные отделения были созданы во Франции, Югославии, Чехословакии и США. Союз имел строго иерархичную систему, состоявшую из: движения (сочувствующие, соревнователи), партии (сотрудники, младороссы) и ордена (старшие и ответственные младороссы). Помимо самого союза существовали также специальные объединения: «Младоросский студенческий союз», «Казачий центр младороссов», «Молодёжный спортив-

Марка Союза Младороссов с лозунгом: «Мы ни красные, ни белые, а русские!»

ный союз», «Женский союз содействия младоросскому движению», «Инородческая группа русских ассирийцев», «Украинская» и «Белорусская» ячейки и т. д.

Внешне младороссы подражали итальянским фашистам: использовали героический стиль, синие рубашки в качестве партийной униформы и жизнерадостное приветствие друг друга вскидыванием правой руки и возгласом в честь А. Л. Казем-Бека: «Глава! Глава!». Сходство усиливается ориентацией на формы борьбы с коммунизмом и отрицательным отношением к капитализму и демо-либерализму, а также личными контактами (не менее трёх) «главы» и итальянского дуче Бенито Муссолини. В итальянском фашизме Казем-Бека привлекал «опыт организационного и дисциплинарного устройства общества, дающего надежду на лучшее устройство мира». Историк русской эмиграции В. С. Варшавский писал по этому поводу: «Между тем за явно фашистским фасадом в младоросской идеологии было много очень далёкого по духу от фашизма и тем более национал-социализма и приближавшегося к идеям „Нового града“»¹⁶.

Вторая идеологическая черта — признание младороссами Октябрьской революции, что автоматически ставило их в число пореволюционных организаций¹⁷. Они охотно использовали некоторые элементы славянофильства, почвенничества, сменовеховства и евразийства, связывая себя с К. Н. Леонтьевым и Л. А. Тихомировым (с их идеями: «социализм в России возможен лишь если сам Царь станет главным социалистом»; положение о соединении светской и духовной власти в одних руках, так называемый «халифат социализма»). Основой идеологии младороссов была идея социальной монархии, неомонархизм и корпоративизм как союз «Советов и Царя» в форме органического государства, способного обеспечить социальную справедливость. При этом «советы» рассматривались лишь как привычная и устоявшаяся в России 1930-х годов форма организации нации (инструмент управления), от которой младороссы в случае победы над большевизмом не собирались отказываться.

Необычное мировоззрение младороссов, вобравшее, с одной стороны, все новые идеологические теории 1920–1930-х годов, а с другой, традиционализм и монархизм, отождествлявшийся для большинства эмигрантов со «светлым прошлым», привлекло на их сторону достаточно большое количество людей. Современными исследователями русского зарубежья их численность оценивается по разным данным от 2000 до 5000 членов, что является в любом случае очень большой цифрой для политической активной части эмиграции¹⁸.

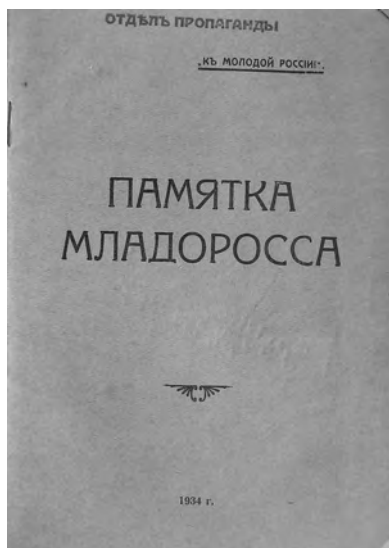
В официальном обращении «К русским людям» в октябре 1929 года и рескрипте от 3/16 октября 1930 года Император в изгнании Кирилл Владимирович одобрил младоросское движение. В 1932 году младороссом (с партийным значком № 1) стал его сын, пятнадцатилетний Наследник Великий Князь Владимир Кириллович (1917–1992)¹⁹. Начальник канцелярии Императора Кирилла I Г. К. Граф возглавлял Административное управление Младоросской партии, хотя и не был при этом младороссом. Казначеем стал сын Великого Князя Андрея Владимировича и Матильды Кшесинской — светлейший князь Владимир Красинский.

Увлёкшись идеологией младороссов, Великий Князь Дмитрий Павлович первоначально возглавил Спортивный отдел Союза. Будучи сам спортсменом, участником V Олимпийских игр в Стокгольме в 1912 году, Великий Князь выделял значительные суммы на закупку спортивного инвентаря, снарядов, оборудование тренажёрных залов, организацию соревнований, летних лагерей и т. д.²⁰

Другим направлением, на которое шли деньги Великого Князя Дмитрия, стала поддержка внутренней структуры организации, региональных представительств и партийной печати, прежде всего центральных газет «Бодрость!» и «Младоросская искра», а также пропагандистских брошюр, листовок, книг и пр. По данным бывшего русского посла в Великобритании Е. В. Саблина, к 1934 году эта сумма составила 12 000 франков в месяц²¹. А. Л. Казем-Бек в личной переписке указывал, что не только его личный бюджет, но и оплата типографских расходов взята на себя Великим Князем Дмитрием Павловичем. Всё это делало Дмитрия Павловича крайне полезным для младоросского движения. Однако характер и его личные качества таили в себе определённую опасность. Великий Князь часто впадал в меланхолию, ему всё надоедало и приедалось, он мог в одночасье потерять интерес к тому, чем ещё вчера живо увлекался. Для того чтобы обезопасить бюджет партии и не потерять основной источник его пополнения, младороссы организовали постоянное «дежурство» при Великом Князе, составив его секретариат. Некоторое время должность секретаря Дмитрия Павловича исполнял сам А. Л. Казем-Бек, умевший завораживающе рассказывать о программе и идеологии партии и даже учивший писать по-русски сына Великого Князя. Затем эти функции были переложены на члена Главного

Эмигрантская открытка с изображением Главы Российского Императорского Дома Императора Кирилла I Владимировича

Пропагандистская брошюра
«Памятка младоросса». 1934 г.

совета Младоросской партии Б.К. Лихачёва (в 1937 года исключённого из организации по подозрению в гомосексуализме) и контролёра партии В.К. Збышевского-Стражу.

Кроме того, в 1935 году Великий Князь Дмитрий вступил в должность председателя Главного совета Партии младороссов. Это назначение весьма воодушевило Великого Князя. Он активно подключился к руководящей работе. Рачительно следил за тем, как расходуются его деньги. Интересовался, как налажено распространение партийной печати среди членов союза, указывал на упущения в работе руководства и местных представителей. Часто выступал с речами на собраниях младороссов в Париже²², Лондоне²³, Афинах²⁴, давал интервью иностранной прессе, в которых пропагандировал идеи партии. Организовал съезд руководителей партии в Сен-Бриаке в 1937 году²⁵. В 1935 году

он смог привлечь в ряды младороссов нескольких членов Дома Романовых: свою сестру Великую Княгиню Марию Павловну, кузена Великого Князя Гавриила Константиновича, племянника Князя Дмитрия Александровича, а в 1938 году — Князя Всеволода Иоанновича.

Искреннее желание активизировать работу не только младороссов, но и всей монархической эмиграции в целом заставило пробудиться в душе Дмитрия Павловича и свойственный ему от природы авантюризм. Так, в 1933 году Великий Князь Дмитрий обсуждал с Великим Князем Андреем Владимировичем и Казем-Бекем возможность отстранения с помощью младороссов от престола пассивного, на их взгляд, Императора Кирилла и провозглашения Великого Князя Андрея регентом при юном Великом Князе Владимире Кирилловиче²⁶. Но на реализацию этого плана, грозившего в очередной раз расколоть эмиграцию, никто не решился.

Статус Великого Князя, его родственные связи и личные знакомства с высшей аристократией использовались им для укрепления международного положения движения младороссов и позволяли их лидерам общаться с политическими кругами европейских стран. Например, пребывание Дмитрия Павловича в Греции с 4 по 15 января 1938 года предоставило возможность лидерам местных младороссов В.Н. Тимковскому и Г.Н. Розалион-Сошальскому наладить контакты с греческим королевским двором и лично пообщаться с Королем Георгом II. Во время этого визита Председатель Главного совета Младоросской партии исполнял роль первого шафера на свадьбе Наследного Принца Павла Греческого с Принцессой Фредерикой Брауншвейг-Люнебургской и был награждён королевским фамильным орденом Георгия и Константина. При Великом Князе последовательно

Речь Великого Князя Дмитрия Павловича в летнем лагере младороссов.
Лазурный берег Франции, 1936 г.

состояли: сотрудник Острянский, младоросс Шейнин и младоросс Ломагин. После отбытия из Афин Великий Князь даровал 42-й Афинской Младоросской казачьей станице право именоваться Дмитриевской²⁷.

Конец 1930-х годов стал кульминацией деятельности младороссов. Их предвоенная идеология всё более наполняется так называемым «оборончеством» — предупреждением всей эмиграции от любого возможного сотрудничества с внешним захватчиком, пусть даже под его ударами и падёт ненавистный всем большевизм. Идеологи младороссов полагали, что любое иностранное государство, которое предпримет вторжение в СССР, будет не столько преследовать политическую цель свержения коммунизма, сколько вынашивать планы расчленения и порабощения России. Младороссы, оставаясь антикоммунистами, рассчитывали, что только сам российский народ изживёт и сбросит с себя «иго большевизма».

Положительное и подражательное отношение к итальянскому фашизму всегда сочеталось у младороссов с отрицательным отношением к германскому национал-социализму. А. Гитлера и идеологов нацизма они обвиняли в расизме, русофобии и славянофобии и во всё тех же планах расчленения России. Отрицательное отношение к Третьему Рейху и его политике в сочетании с ожиданием свержения большевиков советскими военными привело к острой конфронтации почти со всеми правыми организациями русской эмиграции. Младороссы упрямо доказывали, что германский фюрер не собирается освобождать

Членский знак
Младоросской партии

Россию от коммунизма, ему нужно «жизненное пространство» для немцев, и строй, который нацисты готовят для России, настолько ужасен, что «даже сталинский режим покажется раем». В 1939 году газета «Бодрость!» даже заявила, что поскольку Б. Муссолини присоединился к А. Гитлеру и стал разделять его расистские убеждения, то он больше... не фашист, так как фашизм и расизм несовместимы, а «последними фашистами» остаются только младороссы²⁸.

Эта позиция рождала у них некоторые симпатии к советскому строю, отдельные элементы управления которого они считали возможным сохра-

Актив Младоросской партии. С правой стороны от священника:
Глава младороссов А. Л. Казем-Бек и генеральный секретарь К. С. Елита-Вильчковский

нить в будущем. Внешне младороссы старались подражать и советской действительности, что отражалось в агитационно-пропагандистской риторике, названиях должностей (проорг, политрук, управдел) и т. д. Они даже провозгласили, что начинают готовить кадры для агитации и — в перспективе — для управления Новой Россией. «Очаги» и «звенья» партии превра-

тились в учебно-пропагандистские центры. В 1935 году в «Младоросской искре» было объявлено: «Союз младороссов после длительных и напряжённых усилий превращается во вторую советскую партию, занимающую положение революционной оппозиции в отношении партии правящей. Правящая — коммунистическая — партия, с точки зрения младороссов, узурпирует руководство русской революцией»²⁹.

Идеи «оборончества» находили горячую поддержку и у Великого Князя Дмитрия, постоянно выражавшего её в своих речах. Так, в 1935 году он дал интервью французской газете «Temps», в котором были следующие слова: «Разгром Красной армии не только не послужит возрождению нашей Родины, но нанесёт страшный удар России и её национальному достоинству». Большая часть правой эмиграции, жившая идеей «весеннего похода» против большевизма и надеявшаяся на иностранную помощь в деле его свержения, негодовала по этому поводу. В парижской газете «Возрождение» вышла критическая статья под характерным названием: «Ваше Императорское Высочество! Подумайте о России!..»³⁰. Среди монархистов традиционных взглядов, по большей части придерживавшихся «германофильских» симпатий, несмотря на поддержку младороссов со стороны Императора Кирилла, возникло скрытое сопротивление младоросским идеям и в эпицентре их критики были Казем-Бек и Великий Князь Дмитрий, которых именовали «левыми радикалами» и «второсоветчиками».

Характерным примером этой антимладоросской полемики внутри легитимистского лагеря является письмо члена Русского легитимно-монархического союза и бывшего начальника Софийского отдела Корпуса Императорской Армии и Флота полковника М.А. Вердеревского от 17 июля 1935 года на имя Дмитрия Павловича:

«Ваше Императорское Высочество!

Итак — Вы высказались.

Услужливая печать распространит среди русского рассеяния Ваше слово, которое будет импонировать некоторым, если не по существу, то Вашим именем как одного из членов Императорского Дома.

18 лет — с того времени, как Вы Вашу тогдашнюю мысль сочетали с делом, ликвидировав Распутина, — Вы хранили молчание. Его Вы нарушили для того, чтобы выступить на партийном собрании „Союза Младороссов“, высказать новые мысли, которые в некоторых своих частях должны по меньшей мере смутить всякого русского патриота.

Издание „Бодрость!“, № 34-й, так передаёт заявление Вашего Высочества:

„Мы многое испытали. Более, чем кто бы то ни было, я имею право это утверждать. Большевиками был убит мой отец, мой двоюродный брат — наш Государь — и шестнадцать моих ближайших родственников. Но в нас нет чувства мести. Мы пойдём в Россию с открытой душой. Русское сердце всё поймёт и всё простит“. И далее: „Вы нашли меня, а я нашёл

Вас, но нас не было бы, если не было бы одного человека. Этот человек — Казем-Бек. Ура Главе“.

Каждый прочитавший эти строки поймёт, что имя Вашего Высочества используется для рекламы, и Вы, вольно или невольно, выполнили выпавшее на Вас задание. Даже больше — Вы не только рекламировали „главу“, руководителя одной из эмигрантских политических группировок; Вы сделали попытку повлиять на русских эмигрантов и вообще на всех не приемлющих Коминтерна в смысле изменения их непримиримости к коммунистической власти, овладевшей Россией путём предательства, обмана и насилия.

Когда Вы были правы: тогда ли, когда организовывали борьбу с Распутиным и его убийство, не простив ему того зла, которое он причинял России и династии, или теперь, когда призываете к прощению преступлений, совершаемых и совершённых в России коммунизмом?

Смею думать, что Ваше Высочество не станете отрицать, что тогда, 18 лет тому назад, Вы хотели спасти Россию. Кого Вы теперь спасаете? Династию или Сталина?

Если Сталина, то это намерение в корне порочно, оно чудовишно, оно преступно перед лицом страждущей России, и уже одно подобное предположение заставляет сердце обливаться кровью и инстинктивно становиться в оппозицию Вашему Высочеству, несмотря на Вашу кровную связь с Императорским Домом.

Династию? Неужели Ваше Высочество так загипнотизированы „главой“, что всерьёз верите, что Сталин, эволюционируя, проложит прямую дорогу для монарха? И не только для монарха, но и для определённого лица?

Но если даже допустить на момент, что это так, то высок ли будет моральный уровень и авторитет династии, возведённой на престол руками Сталина, задушившего восемнадцать представителей этой самой династии и миллионы верноподданных.

Ведь Ваше прощение и незлобивость есть не что иное как примирение. Прощать надо до конца, до забвения не только личной обиды в качестве сына, двоюродного брата или близкого родственника, но и того зла, которое содеяно в государственном масштабе, которое разорило страну, одно поколение начисто уничтожило, а другое изуродовало, того зла, которое, как и хула на Духа Святого, никогда и никому не прощается и прощено быть не может.

Не всегда простить значит сделать добро, поступить по-христиански. Когда после 1 марта 1881 года Лев Толстой, будучи последовательным и прямолинейным непротивленцем, обратился к Императору Александру III через К. П. Победоносцева с письмом о прощении приговорённых к смертной казни цареубийц, Победоносцев, которого и Вы, вероятно, цените, как человека разума и веры, уклонился от передачи этого письма и ответил Толстому:

„Прочитав письмо Ваше, я увидал, что вера Ваша одна, а моя и церковная — другая, и что наш Христос — не Ваш Христос. Своего я знаю мужем

силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показали мне черты расслабленного, который сам требует исцеления“.

Вынося своё личное, интимное настроение прощения и забвения обид, Вам причинённых большевиками, на ораторскую трибуну и в печать, Ваше Высочество, очевидно, рассчитывали на более обширную аудиторию, чем та, пред которой непосредственно речь была произнесена. Вы, очевидно, надеялись на одобрение Ваших мыслей не только со стороны Ваших слушателей, принадлежащих к одной с Вами политической группировке, но и других, и тем самым сделали попытку выдать индульгенцию от лица и тех, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не простит ни Сталину, ни всему коммунизму гибели миллионов русских жизней, в том числе гибели и Ваших Августейших родственников.

Нелишне Ваше Императорское Высочество вспомнили о Вашем Августейшем отце, двоюродном брате — государе и других ближайших Ваших родственниках, уничтоженных большевиками. Никто не может помешать Вам лично, в порядке индивидуального милосердия, отпустить грехи Свердлову, Шае Голощёкину, Янкелю Юровскому и другим палачам, физически умертвившим или приказавшим умертвить их.

Но это Ваше личное настроение, которое так не вяжется с Вашим настроением эпохи Распутина, Вы напрасно стараетесь внушить другим соотечественникам и ввести в заблуждение иностранцев. Если Ваше Высочество настолько уже прониклись духом всепрощения и безотносительного любвеобилия — откажитесь от всех Ваших званий и даже имени, удалитесь в скит и молитесь там о прощении грехов своих и тех, кто совершил и совершает насилие и преступления в России.

Но всё же знайте, что даже иноческий обет, даже уединение скита и монастырские стены не ограждают чуткого сердцем от выполнения долга перед другими, перед Отечеством; пример тому — Пересвет и Ослябя.

Когда в руках восставшего народа сверкнёт карающий кинжал, этот „последний судия позора и обиды“, он будет страшен не только коммунисту с партбилетом, но и всем неофициальным растлителям России.

Примите, Ваше Императорское Высочество, уверение, что лишь горячая любовь к России и желание оградить династию от опасности, которая ей угрожает вследствие ложных шагов её мнимых приверженцев, заставляет меня поднять мой скромный голос верноподданного.

Полковник М. А. Вердеревский»³¹.

Будучи противником военного вторжения в СССР, Великий Князь тем не менее считал, что пока на Родине существует «зло коммунистической власти», с ним недопустимо «примиренчество, соглашательство и возвращенчество»³². Дмитрий Павлович поддерживал идею сохранения Советов в России. Для большинства старых русских эмигрантов подобные взгляды были непонятны, они видели в них попытку скрестить монархизм и большевизм. Однако младороссы всегда подчёркивали, что вкладывают в идею «Советов» несколько другой смысл, нежели в СССР. В то же самое время Дмитрий Павлович постоянно протестовал против попыток главного

идеолога младороссов Елиты-Вильчковского именовать партию «второй советской» и подражать внутреннему устройству ВКП(б). В своем письме Казем-Беку от 25 сентября 1935 года Великий Князь писал: «Я — председатель Главного совета Младоросской партии, но прошу помнить, что не есть и никогда не буду председателем Совета второй, третьей или четвертой советской партии».

Конфликт с Елитой-Вильчковским дал основание для обвинений Великого Князя (среди части руководства младороссов) в том, что он проводит «свой курс», отличный от «генеральной линии». К тому же, по общему ощущению, он стал «затмевать» собою личность «главы» младороссов А. Л. Казем-Бека³³. Все эти противоречия органично совпали с кризисом, возникшим вокруг Младоросской партии. Начало ему положила встреча в 1937 году Казем-Бека со служившим большевикам графом А. А. Игнатьевым и последовавшие за этим скандал и обвинения руководства младороссов в связях с НКВД. Скандал, подхваченный всей русской правой прессой, послужил поводом для противников младороссов активизировать свои усилия по их дискредитации. Начальник императорской канцелярии Г. К. Граф был отозван от работы в партии. За ним последовал выход некоторых членов партии из её рядов, хотя в целом всё это не особо сказалось на численности партии.

Смерть Императора Кирилла Владимировича в 1938 году лишила Младоросскую партию былой поддержки. Новый Глава Российского Императорского Дома Великий Князь Владимир Кириллович предпочёл не связывать себя с какой-либо конкретной эмигрантской группой. В сложившихся

Почётный караул младороссов у гроба Императора Кирилла I Владимировича. 1938 г.

условиях, дабы избежать дальнейших противоречий в среде младороссов, в своём обращении от 15 ноября 1938 года Дмитрий Павлович заявил о выходе из Младоросской партии. В нем говорилось: «Вследствие преподанных мне Великим Князем Владимиром Кирилловичем особых заданий считаю необходимым сложить с себя председательствование в Главном совете Младоросской партии <...>. Я никогда не смогу изменить тем моим политическим убеждениям, которые пять лет тому назад привели меня к сотрудничеству с младороссами. В связи с намечающимся объединением вокруг Главы Императорского Дома мне не только легче, но и несравнимо целесообразнее работать вне каких-либо партийных или организационных рамок». А. Л. Казем-Бек в заявлении «От Главы Партии» разъяснял, что Дмитрий Павлович поступил так «для облегчения Его работы» и сотрудничество с ним «принимает новые формы»³⁴.

На закрытом же собрании Совета ответственных младороссов 5 декабря 1938 года Казем-Бек подчёркивал совсем иное: «У Дмитрия Павловича много отрицательных черт, но в „своей“ линии он теперь парализован. Кроме того, по своему характеру он ничего не может сам сделать. Он больше обязан нам, чем мы ему, мы его развили, дали ему стиль (в то же время не исказив его личность). Всё же — он член династии и остаётся для нас „картой“»³⁵. Казначей партии, племянник Дмитрия Павловича, светлейший князь Красинский вторил Казем-Беку: «Мы его уже так скомпрометировали, что он не сможет быть игрушкой в руках тех, кто хотел бы его выдвигать... Если им не заниматься, он будет нейтральным. Но с ним можно работать по финансовой линии, и в этой области от него может быть много пользы. Так или иначе, с ним надо поддерживать связь»³⁶.

И эту связь младороссы не потеряли, продолжая получать от Дмитрия Павловича деньги и сохранив при нём в качестве секретаря В. К. Збышевского, для этого освобождённого от всех остальных партийных обязанностей распоряжением главы № 624 от 26 января 1939 года³⁷.

Отойдя от партийных дел, Великий Князь Дмитрий Павлович всё же продолжал интересоваться политической жизнью русского зарубежья. В 1939 году партийцы, недовольные своим удалением от Главы Российского Императорского дома, а также усилением в окружении Великого Князя Владимира Кирилловича реакционных, прогермански настроенных, ультра-монархических кругов, даже предлагали Великому Князю Дмитрию Павловичу временно стать регентом при Владимире Кирилловиче, но спонсор партии этим предложением не заинтересовался³⁸.

Грянувшая в сентябре 1939 года Вторая мировая война фактически парализовала работу партии Казем-Бека. Младороссы, находившиеся во Франции, оказались в двояком положении: с одной стороны, они занимали антинацистскую позицию, а с другой, были весьма «подозрительными» для французских властей, поскольку в условиях Пакта Молотова-Риббентропа, то есть наличия между Третьим Рейхом и СССР союзнических обязательств, продолжали именовать себя «второй советской партией».

3 сентября, когда Франция и Великобритания объявили войну Германии, А.Л. Казем-Бек послал премьер-министру Франции Э. Даладьё телеграмму о том, что отдаёт себя и Младоросскую партию в полное его распоряжение, но министр внутренних дел предпочёл распустить партию. Казем-Бек перевел её на нелегальное положение, в 1940 году начались аресты младороссов. 18 мая Глава объявил о роспуске своей партии и о вступлении во французскую армию. 3 июня он и множество младороссов были схвачены французской полицией и отправлены в концлагерь Берне д'Аржеж. Вскоре большинство из них были освобождены, но, опасаясь преследований со стороны германских оккупантов, А.Л. Казем-Бек эмигрировал в Испанию, а затем в США. Во время войны многие младороссы приняли участие в движении Сопротивления.

Великий Князь Дмитрий.
Ок. 1940 г.

Но всего этого уже не увидел Великий Князь Дмитрий Павлович. В 1940 году у него очень сильно обострился туберкулёз, в связи с чем он поехал на лечение в Швейцарию, в Давос. В 1941 году его состояние несколько улучшилось, и казалось, он шёл на поправку, как вдруг 5 марта 1942 года его сердце не выдержало, и он скоропостижно скончался. Ввиду обилия снега, занёсшего дороги, его гроб везли на кладбище на санях, запряжённых одной лошадью. А провожали покойного всего два человека, так как в этом месте его никто не знал.

Г. К. Граф так описывал это событие: «Я вспоминаю картину, кажется, художника Репина или Серова: по пустынной улице Петербурга на розвальнях везут простой деревянный гроб, правит лошадёнок мужичок в тулупе, провожающий один — император Александр II. Случилось это так. В ранний утренний час император ехал по улице и повстречал эти похороны и увидел, что никто этот гроб не провожает. Его так поразила эта унылая картина похорон какого-то одинокого человека, что император вышел из своих саней и пошёл за гробом. Государь Император Всероссийский провожал своего подданного, которого никто другой не провожал, так как, по-видимому, у него не было ни близких, ни друзей.

Больше уже не было в России императоров, и оставшиеся в живых члены династии находились в изгнании. И вот теперь хоронили одного из потомков этого императора не на родной стороне, а на чужбине, и как того неизвестного человека. Хоронили в простом гробу, который везли на простых санях с одной лошадью, и за гробом провожающих было всего двое. Мог ли предполагать тогда всесильный император мощной Российской Империи, что через век будет, возможно, повторение той же картины, только хоронить будут не какого-то неизвестного человека, а его внука?»³⁹.

В 1958 году тело Великого Князя Дмитрия Павловича по воле его племянника графа Леннарда Бернадотта-Визбора было перезахоронено в усыпальнице замка Майнау (Германия).

- ¹ *Раунах Р.Р. фон. Facies Hippocratica (Ликумирующего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 г. Ред. и коммент. С. А. Манькова. СПб., 2007. С. 182–184; 189–193.*
- ² *Великий Князь Андрей Владимирович. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917)/Сост., предисл., коммент. В. М. Осина, В. М. Хрусталёва. М., 2008. С. 218–219.*
- ³ Известный либерал, профессор П. Н. Милоков оценивал количество эмигрантов, являющихся сторонниками монархии, в 85 процентов (*Милоков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. С. 6.*)
- ⁴ *Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб., 2004. С. 123–130.*
- ⁵ *Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания/Вступ. ст., подгот. текста, библиогр. справочник и коммент. В. Ю. Черняева. СПб., 2004. С. 49.*
- ⁶ *Базанов П. Н. Указ. соч. С. 129.*
- ⁷ *За Свободу! (Варшава). 1922. 11 октября.*
- ⁸ *Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. Т. II: Несбывшиеся надежды (1923). М., 2001. С. 378.*
- ⁹ *Савич Н. В. После исхода: Парижский дневник. 1921–1923. М., 2008. С. 141; 261–263; 323; 337–339; 388.*
- ¹⁰ *Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. Т. IV: У истоков «Русского Общевоинского Союза» (1924). М., 2007. С. 556.*
- ¹¹ *Савич Н. В. Указ. соч. С. 262.*
- ¹² *Русская военная эмиграция 20–40-х годов... С. 398.*
- ¹³ *Александров Е. А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь/Под ред. К. М. Александрова, А. В. Терещука. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 222–223.*
- ¹⁴ *Думин С. В. Романовы. Императорский дом в изгнании: Семейная хроника. М., 1998. С. 159.*
- ¹⁵ *Граф Г. К. Указ. соч. С. 511–512.*
- ¹⁶ *Базанов П. Н. Указ. соч. С. 171.*
- ¹⁷ Там же. С. 172–174.
- ¹⁸ *Озерковецкий Г. Россия малая: Русский блистательный Париж до войны. Т. 1. Париж, 1973. С. 54; Косик В. И. Молодая Россия (к вопросу о русском фашизме)//Славяноведение. 2002. № 4. С. 21–31.*
- ¹⁹ *Базанов П. Н. Указ. соч. С. 169.*
- ²⁰ РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 99–109.
- ²¹ *Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1949. Кн. 1. М., 1998. С. 216.*
- ²² *Речи председателя Главного совета Младоросской партии Великого Князя Дмитрия Павловича. Париж, 1936.*
- ²³ *Великий Князь Дмитрий Павлович. События в России по 1935 год и практические выводы Союза младороссов: Меморандум 1935. Лондон, 1935.*
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 6091. Оп. 1. Д. 60. Л. 5–6.
- ²⁵ *Граф Г. К. Указ. соч. С. 215.*
- ²⁶ РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 175.
- ²⁷ *Бодрость! (Париж). 1938. 30 января (№ 162).*
- ²⁸ *Массин М. Истина — дочь времени. Александр Казем-Бек, русский эмигрант (1902–1977)//Звезда. 2000. № 10. С. 184–196.*
- ²⁹ *Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., 1992. С. 53.*
- ³⁰ *Возрождение (Париж). 1935. 16 июня.*
- ³¹ ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 85. Л. 5–8.
- ³² РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 125.
- ³³ *Граф Г. К. Указ. соч. С. 215.*
- ³⁴ *Бодрость! (Париж). 1939. 20 ноября.*
- ³⁵ РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 23.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Л. 68.
- ³⁸ Там же. Л. 175.
- ³⁹ *Граф Г. К. Указ. соч. С. 517. Автор цитаты ошибается. Приведённый случай относится к биографии Императора Николая I.*